

Регион: экономика и социология, 2011, № 1, с. 91–103

СТРУКТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

А.В. Алексеев

ИЭОПП СО РАН

Аннотация

Рассматриваются основные факторы становления и развития инновационной экономики, особенности формирования институциональной системы в России в постсоветский период. Выявляется специфика воздействия природной ренты на характер формируемых институтов. Обосновывается система мер по совершенствованию государственного управления, гарантирующая преодоление эффекта «ресурсного проклятия» и обеспечивающая переход экономики страны на инновационный путь развития.

Ключевые слова: экономические институты, инновационная экономика, инвестиции, основные фонды, природные ресурсы

Abstract

The study considers the key factors of building and further development an innovation economy and peculiarities of Russian institutional system of the post-soviet period. We show how a natural resource rent has defined a character of the built institutions, and we also prove the necessity of reforms in public administration to overcome a «resource curse» of Russian economy and ensure its innovation development.

Keywords: economic institutions, innovation economy, investments, capital assets, natural resources

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Подходов, объясняющих природу развития современного общества, множество. Рассмотрим ситуацию в Российской Федерации сквозь призму широко распространенного в международном научном сообществе трехфакторного подхода к становлению современной инновационной экономики. Использование данного метода позволяет добиваться большей сопоставимости в интерпретации процессов, происходящих в России и развитых странах, что привносит новое качество в анализ социально-экономического развития. Действительно, в России многие процессы уже неплохо смотрятся в динамике, но все еще очень «бледно» – на фоне абсолютных уровней, достигнутых в развитых экономиках.

Будем исходить из того, что характер развития современного общества определяется тремя основными факторами:

- имеющейся системой технологий;
- способностью работников эффективно использовать существующую технологическую систему (качеством человеческого капитала);
- системой институтов, задающей устойчивость и качество развития технологической и социальной систем.

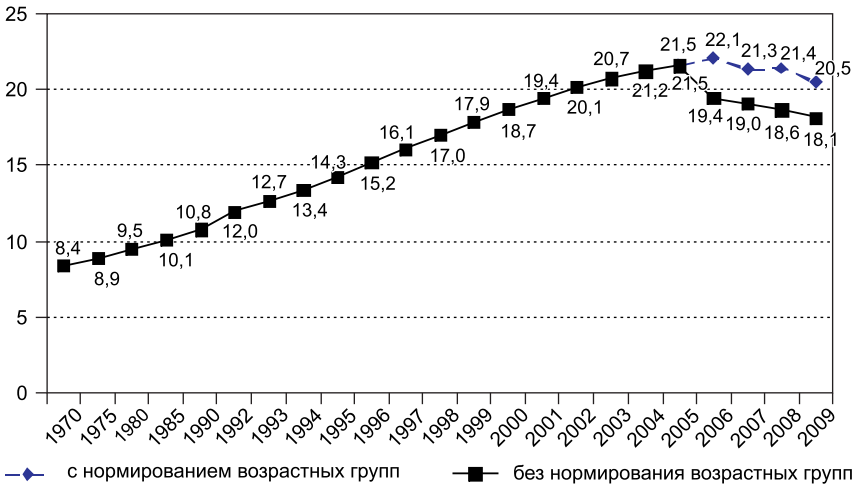
Все эти три компонента критически важны. Несбалансированность, «притормаживание» в динамике развития хотя бы одного из них не только девальвирует успехи, достигнутые на других направлениях, но и, в крайних своих проявлениях, разрушает социальную стабильность общества в целом.

Справедливость данного подхода прекрасно иллюстрируется примером коллапса Советского Союза [1], для которого были характерны большое внимание к своей производственной системе (советские объемы инвестиций до сих пор не достигнуты во многих отраслях экономики России), хороший образовательный уровень населения (качество советского образования и сегодня не подвергается серьезному сомнению). Однако «мумификация» общественных институтов привела

к тому, что, казалось бы, неизбежная общественно-политическая конст-рукция просто рассыпалась на глазах у изумленного мира.

Надо признать, что российское общество плохо усвоило урок, пре-поданный историей распада Советского Союза. Скорее, как сейчас принято говорить, волатильность внутри рассматриваемой триады только возросла. Так, первое десятилетие после распада СССР харак-теризовалось почти полной утратой внимания не только к развитию, но и к простому воспроизводству технологической базы общества. Проиллюстрируем данный тезис на примере движения одного из ре-зультатирующих показателей развития любой технологической систе-мы – среднего возраста ее основных элементов.

Система технологий. Если в 1990 г. средний возраст оборудо-вания лишь немногим (по современным меркам) превосходил уро-вень 1970 г. (на 2,4 года), то в дальнейшем рост среднего возраста оборудования принял не просто постоянный, а неотвратимый ха-рактер. В 2005 г. он достиг рекордного (точнее, антирекордного) в истории страны показателя в 21,5 года. За более поздний период данные по среднему возрасту не опубликованы. Зато имеется ин-формация по возрастной структуре основных средств в организа-циях, полученная в выборочных обследованиях, проведенных в 2006–2009 гг. Эти данные (с учетом наличия информации по структуре основных фондов) в принципе достаточны для расчета среднего возраста производственного оборудования за «недостаю-щие» годы. Проблема, правда, заключается в том, что если, соглас-но имеющейся информации, сложить все возрастные группы, в сумме они не составляют 100% (по разным видам фондов – от 87% до 95%). У Росстата, наверное, есть объяснение этого «феномена», но прямое использование имеющихся данных для расчета среднего возраста парков производственного оборудования дает слишком оптимистичный результат. Средний возраст российских фондов снижается так быстро, что поверить этому невозможно. Впрочем, если не учитывать заметную часть фондов (5–13%), такой резуль-тат получается уже чисто арифметически. Для того чтобы снять рассматриваемый эффект, пронормируем возрастную структуру

Средний возраст производственного оборудования, лет

фондов, приведя сумму строк к 100%. Полученный результат явно более адекватен реальности, при этом он не противоречит отмеченному выше увеличению обновляемости и снижению показателей износа основных фондов после 2006 г.

На рисунке представлены результаты расчета среднего возраста производственного оборудования без нормирования возрастных групп (нижняя кривая) и с нормированием (верхняя кривая). Расчеты показывают, что 2007 г. (2006 г. при «ненормированном» расчете) – «год великого перелома»: средний возраст производственного оборудования впервые начал сокращаться не только в постсоветской, но и в советской истории. Снижение среднего возраста основных фондов – обнадеживающая тенденция. Но абсолютная величина этого возраста никак не обнадеживает. Действительно, в 2008 г. в РФ средний возраст машин и оборудования равнялся 13,7 (14,5 – при «нормированном» расчете) года¹, а в США – 6,6 года [2]. Использование оборудования по меньшей мере вдвое старше, чем в развитых экономиках, –

¹ Без зданий и сооружений.

уже гарантия проигрыша отечественного производителя в конкурентной борьбе с зарубежным.

Несмотря на то что в предкризисные годы инвестиционная активность в российской экономике заметно возросла, ее кумулятивный за постсоветские годы результат не внушает особого оптимизма. Рассмотрим пример знаковой для российской экономики добывающей промышленности.

Стоимость основных фондов в РФ по полному кругу за вычетом износа в текущих ценах 2008 г. составила 3,128 трлн руб. [3], в США – 1,428 трлн долл. [4] Найти «справедливый» курс пересчета рублей в доллары здесь, очевидно, практически невозможно. С одной стороны, часть фондов была создана еще в советское время (в первую очередь это здания и сооружения), и к ней современный номинальный курс вообще не имеет отношения. С другой стороны, активная часть основных фондов в добывающих отраслях обновляется интенсивнее, чем в других отраслях народного хозяйства (в экстремальных условиях оборудование быстро изнашивается). Значительная часть этого оборудования – импортное, приобретаемое за валюту по текущему банковскому курсу. Впрочем, стоимость отечественного оборудования также тяготеет к рыночному курсу.

Проведем расчет по паритету покупательной способности, что заведомо «улучшит» ситуацию в отечественной добывающей промышленности. Остаточная стоимость основных фондов в добывающей промышленности России в 2008 г. составила 174 млрд долл. Это в 8,2 раза меньше, чем в США. Для России, где значительная часть общества уже смирилась с тем, что страна является сырьевым придатком более развитых экономик, в том числе «виртуальной» американской, даже с учетом двукратной разницы в населении, отставание явно велико [5]. А если «сдвинуть» курс ППС в сторону номинального, что будет явно ближе к реальности, и сделать поправку на то, что средний возраст машин и оборудования в РФ почти вдвое выше, чем у американцев, а соответственно, и остаточная стоимость несколько иная, то рассматриваемое соотношение еще более ухудшится.

Расчеты по обрабатывающей промышленности, понятно, дают еще более «яркий» результат. Стоимость основных фондов составила здесь за вычетом износа в текущих ценах 2008 г. 3,267 трлн руб. [3], в США соответственно – 2,313 трлн долл. [4] Расчет, аналогичный описанному выше, показывает, что остаточная стоимость основных фондов в обрабатывающей промышленности России в 2008 г. составила 182 млрд долл., что уже почти в 13 раз меньше, чем в США. С учетом сделанных оговорок в части корректности использования в данном случае показателя ППС разрыв, очевидно, еще больше.

Институциональная система. Революционное, практически одномоментное разрушение действовавшей многие десятилетия институциональной системы сопровождалось ее заменой новой, «рыночной» системой, которая вводилась «явочным» порядком, ломающим культурные нормы и без того дезориентированного в первые годы реформ общества. При этом российское общество, с трудом выдержавшее институционально-культурный шок первой половины 1990-х годов, с готовностью приняло резкое торможение институциональных реформ, «окукливание», мягко говоря, «сырых» институтов, сформировавшихся на изломе общественно-политической системы, знаменитую «стабильность» первой половины 2000-х годов.

Вместе с тем логика социально-экономического развития требует сбалансированного развития производственной, образовательной и институциональной сфер жизни. Здесь возникает две проблемы: в каком направлении развиваться и кто за это развитие будет платить.

Действительно, сырьевой формат развития экономики в известном смысле самодостаточен: проблемы с финансированием его технологической составляющей нет, потребность в квалифицированных кадрах, а следовательно, в затратах на образование невелика, «прогресс» в общественных институтах сводится к не самой простой, но достаточно узкой задаче – поддержанию общественно приемлемого баланса «справедливого» дележа природной ренты.

Формат создания современной конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях, существенно сложнее [6]. Расчеты показывают: чтобы российской обрабатывающей промышленности только

приблизиться к качественным параметрам, характерным для американской обрабатывающей промышленности, потребуется от 600 млрд до 1 трлн долл. США. А ведь обрабатывающая промышленность – далеко не единственная отрасль, нуждающаяся в техническом перевооружении (в РФ обрабатывающие производства создают примерно 16% ВВП). При таком сценарии совсем иные и требования к квалификации рабочей силы, т.е. к образованию. Впрочем, проблема даже не в деньгах – под хороший проект деньги найдутся всегда, а в том, что при существующих в России институтах даже очень хорошие, по меркам нормальной экономики, проекты оказываются недостаточно хороши, чтобы привлечь инвестора.

РОССИЙСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА: В ПЛЕНУ РЕСУРСНОЙ РЕНТЫ?

Классическое проявление проблемы «плохие институты versus хорошие проекты» таково: прибыль, все же генерируемая производственным сектором, очень неохотно превращается в капитал (инвестиции). Следствие – в лучшем случае стагнация первого из рассмотренных факторов развития общества и деградация второго (образования). Корень проблемы – в неадекватной потребностям современного российского общества системе общественных институтов. Именно здесь сосредоточены основные резервы социально-экономического развития страны.

Рассматриваемая неадекватность – производная многих факторов. Один из важнейших – природные богатства России, в первую очередь сибирские. Здесь очень важно подчеркнуть: не сами богатства, а социальная незрелость общества, распоряжающегося этими богатствами. Возможность (которая вовсе не является необходимостью) использовать природные ресурсы как финансовый компенсатор неумения и нежелания принимать решения, требующиеся для динамичного развития экономики, разрушает сами основы развития российского общества. Эрозия базовых факторов развития проявляется в быстром нарастании иждивенческих настроений. «Зачем тратить деньги на науку,

промышленность, образование? Никакого проку от этого все равно нет. Потребляем в основном импортные товары. А те отечественные, которые еще остались, – это перевод наших ресурсов, которые лучше продать за границу, на вырученные деньги купить то, что надо. Выйдет больше и дешевле. Когда мы будем делить наши деньги?» – вот современная норма российского экономического сознания.

Справедливости ради следует отметить, что такой императив общественного сознания появился не на пустом месте. Современная система российских институтов складывалась в весьма специфических исторических условиях. А как утверждает теория QWERTY-эффектов, однажды выбранную «ширину железнодорожного полотна» поменять практически невозможно, даже если в этом и возникает необходимость.

Действительно, после распада Советского Союза, отказа от плановой системы, т.е. разрушения комплекса институтов, действовавшего в течение длительного времени, новые институты создавались под задачу скрепить, стабилизировать распадающийся постсоветский социум. Нельзя не признать, что главная задача того периода – консолидация постсоветского общества была выполнена. А для решения другой задачи – развития в значительной степени стихийно формирующаяся институциональная система и не предусматривалась. Соответственно, не была заложена и основа для институтов развития.

Отметим, что в период создания нового российского государства мировые цены на природные ресурсы были низкими. Поэтому формировать новую институциональную систему пришлось без финансовой подушки. Сейчас уже бесполезно гадать: продержись низкая сырьевая конъюнктура еще несколько лет, удалось бы российскому обществу пойти дальше – перенастроить формирующуюся систему институтов на развитие? Или, напротив, общество не вынесло бы шока и пошло бы по пути социальной деградации, деиндустриализации, что и наблюдается на части постсоветского пространства? Зато известно, что повышение мировых цен на сибирские энергоресурсы устранило внешние факторы, влияющие на адаптацию институциональной системы к новым реалиям, а внутренние оказались для решения

этой задачи слишком слабыми. Действительно, если сибирские рентные поступления систематически компенсируют доходы, выпадающие из-за деградации отечественной производственной системы, зачем напрягаться?

Российские институты оказались в ловушке высокой сырьевой конъюнктуры. Можно ли выбраться из этой ловушки, и если да, то как?

Выход из «ресурсного плена». Из теории управления известно: практически любая проблема имеет решение при одновременном наличии трех факторов: воли, идеи и денег. Другими словами, если выявить конституирующий элемент, воздействие на который перенастраивает в требуемом направлении всю систему, а также иметь политическую волю и финансовые ресурсы для осуществления этих преобразований, проблема перенастройки институциональной системы решаема.

Представляется, что таким элементом может стать введение оценки деятельности государственных органов по достигнутым результатам. Идея не оригинальна. Более того, она уже реализуется, правда, пока в выхолощенном виде. Ю. Лужков (признанный эксперт в области функционирования бюрократии) формулирует стандартный ответ на подобные вызовы бюрократическим системам следующим образом: «...Глобализировать проблему и тем ее угробить – первая и, главное, почти бессознательная реакция российского человека. Все “за”, и дело умирает само собой» [7]. Конечно, если список отчетных показателей выходит за сотню, при этом часть из них внутренне противоречивы, выполнить их все равно невозможно. А раз размыто сформулированные цели невозможно достичь, значит, нельзя и спрашивать (наказывать) за их недостижение.

Ситуация резко меняется, если рассматриваемые показатели формулируются в терминах решения крупной социально-экономической задачи: рост ВРП, рост доходной части бюджета, количество введенных квадратных метров жилой площади, уровень безработицы, место региона в рейтинге инвестиционной привлекательности и т.п. Специфика агрегированных показателей заключается в том,

что их невозможно достичь при реализации стратегии «приватизации властных функций». Нельзя одновременно беззастенчиво грабить бизнес и добиваться роста валового регионального продукта и доходной части бюджета. Нельзя в сколько-нибудь значимых масштабах «приватизировать» выдачу разрешений на строительство и увеличивать ввод жилья. Нельзя «строить» в свою пользу малый бизнес и решать проблему занятости. Зато можно, точнее, нельзя не делать следующее:

- снизить барьеры входа на рынок через облегчение бизнесу доступа к капиталу. В частности, использовать сырьевую ренту для финансирования собственной, а не чужой экономики. Уменьшить давление на бизнес (ограничить контакты власти с бизнесом через жесткую регламентацию режима проверок, лицензирования бизнеса и т.п.);
- обеспечить конкуренцию на рынке и не допускать возникновения монополий;
- законодательно (формально) и, главное, фактически защитить права собственности. В настоящее время собственник не верит, что его права эффективно защищены, поэтому избегает браться за серьезные инвестиционные проекты;
- улучшить налоговую систему: современная налоговая система подавляет производство инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью (в первую очередь через НДС) и поощряет сырьевой формат развития экономики.

Рассмотренный подход будет способствовать улучшению инвестиционного климата, что позволит решить одну из центральных проблем в современной России – превратить получаемую отечественным бизнесом прибыль в капитал, а не использовать ее на потребление и не прятать в офшорах.

Наконец, необходимо отказаться от пораженческой стратегии «инвестиции нефтяных денег в российскую экономику – деньги на ветер». Расчеты показывают, что за последние 7 лет в чужие экономики РФ вложила столько же средств (через аккумулирование иностранной валюты в различных государственных фондах), сколько в собствен-

ную добывающую и обрабатывающую промышленность. Но кормит нас не чужая, а своя экономика!

Необходимо создать условия, когда страны, неспособные использовать свою природную ренту как капитал (как сейчас Россия), будут вынуждены поднимать российскую экономику. Действительно, существует практически неограниченный мировой рынок капитала, открытый для стран с адекватной современным требованиям институциональной системой. Этот рынок, собственно, и существует потому, что в некоторых экономиках одновременно выполняется условие «двойной эффективности»: эффективны инвестиции (с точки зрения соотношения затрат и результатов) и эффективно защищены права собственности на эти инвестиции. В других экономиках выполняется либо одно из этих условий, либо ни одного. Понятно, что между этими двумя полюсами неизбежно возникает разность потенциалов: деньги из одних экономик устойчиво и систематически утекают в другие. Только так собственники могут их как минимум сохранить и как максимум – приумножить².

Привлекать ли в национальную экономику иностранный капитал или нет – вопрос, по которому мнения традиционно расходятся. С одной стороны, это возможность быстрого развития в условиях нехватки национального капитала и своевременного входа в те рыночные ниши, в том числе и на мировом рынке, в которые со временем войти будет либо трудно, либо просто невозможно. Это новые рабочие места, налоговая база, решение социальных задач. С другой стороны, это угроза: чем меньше вы контролируете ситуацию, тем больше риск превратиться в прислугу в собственном доме.

Массовый приход иностранного капитала – это признание мировым сообществом адекватности проводимой экономической политики: иностранного инвестора не привлекают бесперспективные экономики. Уровень активности зарубежных инвесторов в технически сложных отраслях российской экономики вообще можно рассматривать как индикатор адекватности/неадекватности действующих здесь институтов потребностям создания инновационной экономики. Если

² Подробнее см. в работе [8].

активность растет – институциональная система трансформируется в правильном направлении; если снижается – значит, создание инновационной экономики вновь отодвигается на неопределенный срок.

Привлечение иностранного капитала – это возможность сравнительно быстро, качественно и без социального напряжения (неизбежного при силовом повышении нормы накопления) восстановить отечественную обрабатывающую промышленность, довести ее до приемлемых, по современным меркам, стандартов качества и конкурентоспособности. Страх того, что в современных реалиях значимые активы окажутся в руках чужих собственников, – не более чем фобия людей, почему-то считающих, что лучше остаться вовсе без промышленности, чем использовать для ее подъема иностранный капитал. При этом опыт советской индустриализации свидетельствует, что если кому и следует опасаться перехвата собственности, так это иностранному инвестору [9]. Когда же на основе воссозданной промышленности появятся сильные финансово-промышленные группы, проблема собственности в значительной степени решится сама собой, как она уже решается в добывающей промышленности: «чужие здесь не ходят».

Гипотетическая проблема чрезмерного контроля национальной экономики со стороны иностранного капитала легко решается, когда у вас сильная экономика, и совсем не решается, когда экономика слабая. Вместо того чтобы обличать и предрекать «неизбежную» гибель американской экономики («любимое» занятие советских, а потом и многих российских экономистов на протяжении почти ста последних лет), лучше заставить работать на отечественную экономику те факторы, которые сделали американскую экономику сильнейшей в мире и продолжают работать в этом направлении.

* * *

Рассмотренный подход позволяет через институциональную реформу запустить процесс генерации финансовых потоков, которые, направляясь в сферы производства и образования, создадут устойчивую положительную связь: адекватные современному уровню разви-

тия общества институты – устойчивое развитие сферы производства товаров и услуг. Именно это и необходимо для динамичного развития российского общества, создания инновационной экономики. Природные же ресурсы должны быть использованы как стартовый капитал, который позволит запустить модернизацию российской экономики на новом уровне институционального развития.

Все, что требуется для реализации рассмотренного подхода, – это политическая воля, даже не деньги. Сумеет перенастроить институциональную систему – природные ресурсы страны будут работать на формирование современной инновационной конкурентоспособной экономики. Нет – еще несколько десятилетий поговорим про «ресурсное проклятие», а за это время постепенно в российской экономике появятся внешние по отношению к ней силы, которые сумеют решить проблему этого «проклятия», но уже без нашего участия.

Литература

1. **Economic Report of the President 2010.** – Ch. 10.
2. **ВЕА.** National Economic Accounts. Fixed Asset Table. 2009. Table 3.9E/.
3. www.gks.ru (дата обращения 10.04.2010).
4. **ВЕА.** National Economic Accounts. Current-Cost Net Stock of Private Fixed Assets by Industry. Table 3.1ES.
5. **Григорьев Л., Крюков В.** Мировая энергетика на перекрестке дорог: какой путь выбрать России? // Вопросы экономики. – 2009. – № 12. – С. 22–37.
6. **Унтура Г.А.** Проекция кризиса на инновации в России: теория и реалии // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 2. – С. 107–128.
7. **Лужков Ю.** Российские «Законы Паркинсона» [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.luzhkov.ru/print.htm> (дата обращения 17.09.2010).
8. **Алексеев А.** Деньги уходят и не обещают вернуться // Вестник Института Кеннана в России. – 2009. – Вып. 15. – С. 18–27.
9. **Рубченко М.** Ура, у них депрессия! // Эксперт. – 2009. – № 1 (687) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/01/ura_u_nih_depressiya/ (дата обращения 12.01.2010).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 26.10.2010 г.

© Алексеев А.В., 2011